

The background of the book cover is a painting of a seascape. In the foreground, a large white seagull with a red beak is in flight, wings spread wide. The sea is a deep blue-grey with whitecaps. Two large sailboats with white sails and dark hulls are visible, one on the left and one on the right. Several other smaller sailboats are in the distance. The sky is a pale, hazy greenish-blue, and numerous seagulls are scattered throughout, some in flight and others resting on the water or distant shore. The overall style is that of a classic maritime painting.

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

**ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ**

ДЕТТИ. 4

С ГЕОРГИЕВСКАЯ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Рисунки И. Гринштейна

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

Москва 1954

БАБУШКИНО МОРЕ

ПОВЕСТЬ

„УЖОТКО!“

Вот она, бабушка, папина мама. Стоит на платформе и смотрит из-под руки прямо на площадку вагона, который ещё постукивает и покачивается с разбегу. На бабушке чёрная шерстяная юбка, белая широкая кофта и платочек. Она совсем не похожа на кавалера ордена Ленина, хотя на кофте у неё и в самом деле орден Ленина.

Папа говорил про бабушку «кавалер», а она, оказывается, просто старушка. Или, вернее сказать, старуха, потому что старушки бывают поменьше ростом и потолще, вроде маминой мамы, бабушки Капитолины. А эта бабушка высокая и костистая, лицо у неё

худое, строгое, как будто недоброе, а глаза прозрачные, как бутылочное стекло.

— Здравствуй, Зинаида! — говорит бабушка Лялиной маме, которую видит первый раз в жизни.

И они целуются.

Мама и бабушка целуются так: по очереди прикладываются друг к дружке щеками и мелко чмокают воздух.

А Ляля стоит сбоку и смотрит на бабушку.

— Это Ольга? — наконец говорит бабушка и глядит на Лялю своими бутылочными глазами. — Подойди-ка поближе, внука, дай на тебя посмотреть!

Бабушка смотрит на Лялю. Смотрит на её клетчатую яркокрасную пелеринку, на красную острую шапочку с кисточкой и покачивает головой. Что-то вздрагивает у неё в самых уголках губ, словно она хочет засмеяться. Но бабушка не смеётся, а гладит Лялю по голове своей жёсткой большой рукой, и с Ляли слетает шапочка.

Шапочку поднимает какой-то старичок с серьгой в ухе и кнутовищем в руке. От старичка сильно пахнет одеколоном.

— Ишь, надушился! Знакомься, Митрич, — говорит бабушка старичку, когда он подаёт Ляле шапочку. — Внука моя Ольга, меньшого дочка́.

Старичок знакомится: перекладывает кнутовище из правой руки в левую руку, низко наклоняется к Ляле и смеётся. От смеха дрожит и блестит в его ухе большая серьга.

— Наш конюх колхозный, — говорит бабушка. — Подавай, Митрич!

Конюх смотрит на Лялю, и губы у конюха аккуратно складываются трубочкой, будто бы для того, чтобы засвистеть.

— Ивашок! — говорит он шопотом и смотрит на Лялю. — Ой, копия...

— А?!. Да!.. — говорит бабушка, тоже смотрит на Лялю и вдруг отворачивается.

Старичок почему-то испуган. Он быстро уходит и подаёт к платформе чёрную узкую бричку на высоких колёсах. Такую Ляля видела в цирке. Только в цирке бричка была побольше.

Первой в бричку садится бабушка. Она крепко наступает на подножку, и бричка, слегка накренившись в сторону бабушки, кланяется ей и скрипит.

Мама садится в бричку с другой стороны. Она легко вскакивает на узенькую подножку и усаживается возле бабушки, отогнув своё нарядное пальто. Митрич сейчас же подхватывает Лялю сзади подмышки и сажает против мамы и бабушки на откидную скамеечку. После этого он сам взбирается на облучок и поднимает кнутовище.

— Погоняй! — сурово говорит бабушка, поджимая сухие губы.

Бричка трогается. Бабушка сидит в бричке, обхватив пальцами свои острые локти. Рядом с бабушкой сидит мама в маленькой шляпке с пёрышком. Ляля видит, что мама стесняется бабушки, сидит очень прямо, молчит и даже отчего-то покашливает...

— Живей! — говорит бабушка старичку с серьёзом.

Конюх кричит: «Но-о-о-о!..» — кричит глухим, но раскатистым голосом, и голос у него отдаётся где-то

далеко, так далеко, как будто бы в этом городе на улице живёт эхо.

— Но-о-о-о!.. — кричит старичок.

А лошади нисколько не боятся его крика. Они мелко перебирают ногами, бегут трусцой, как бежали раньше, и бричка подскакивает на колеях и выбоинах пыльной дороги.

Бабушка, мама и Ляля едут мимо маленьких белых домов, обсаженных деревьями. За плетнями, среди зелёных деревьев, прямо под небом, стоят белые печки. Из печей идёт дым. И по всей улице пахнет тёплым дымом и чем-то ещё — кажется, мокрой зеленью. У забора, по самым краям дороги, растёт чуть повытоптанная трава. Меж запылённых листьев и стебельков виднеются розовые головки повилики.

Улица очень длинная. Горячий ветер легонько шевелит пыль на дороге. По тротуару неторопливо и без звонков, разомлев от жары и редко-редко нажимая на педали ногами, едут босые велосипедисты. На улицу выбегают хозяйки и смотрят на бричку и бабушку. Хозяйки стоят и глядят им вслед, а бабушка ни на кого не смотрит. Она сидит прямая, неподвижная, высоко подняв голову, и только перебирает пальцами по острым локтям.

Бричка доезжает до края улицы и поворачивает. Внизу, под обрывом, видно что-то широкое, огромное. Это — море. Оно до того большое, что когда Ляля глядит в ту сторону, у неё сжимается сердце и хочется протянуть к нему руки.

От моря дует тёплый сильный ветер — такой сильный, что всё вокруг, куда ни погляди, так и ходит, так и колыхается. Колыхутся листья, колыхутся ставни

на окнах, колышутся чёрные сети рыбаков, развешанные вдоль берега на острых колышках.

Увидев бабушку, рыбаки снимают шапки. Бабушка поджигает губы и кивает им из своей брички.

— Степановна! — кричит бабушке какой-то усатый человек, выходя из большого деревянного дома. — Ну что, привезла своих?

Бричка останавливается.

— Председатель колхоза, — говорит бабушка маме про усатого человека.

Мама быстро снимает перчатку, наклоняет набок голову и пожимает руку человеку с усами. Он тоже пожимает мамину руку своей большой рукой и, словно чему-то удивившись, смотрит на неё. У Ляли красивая мама. Ляля это знает, и мама это знает, а теперь это знает ещё и председатель бабушкиного колхоза.

— Внучка Ольга, — говорит бабушка усатому и смотрит на Лялю.

— Поздоровайся, Ляля, — говорит мама.

— Эх-ма! — кричит председатель густым голосом и выхватывает Лялю из брички.

В воздухе болтаются её худые ноги в красных туфельках.

Прямо перед собой Ляля видит два больших чёрных глаза. Они выглядывают, словно из лесу, из-под густых, кустистых бровей. Ляле щекочет лицо седой лохматый ус.

— Да неужто Коськина дочка? — восхищается председатель. — А я твоего папаню вот эдакого, поменьше тебя, знавал. Хорош был пацанок... В люди, конечно, большие вышел, а я пацанком знавал. Ну-

ну... — вздыхает он, увидев, что Ляля не улыбается. — Ну-ну... — и быстро ставит её на землю. — А тощенькая она у вас отчего-то, — говорит председатель бабушке.

— Хворала, — вежливо отвечает мама. — Скарлатина была, с осложнением на оба уха.

Председатель вздыхает.

— Ничего, раздобреет! — решительно отрезает бабушка и выходит из брички.

Мама тоже соскакивает и хочет взять свой чемодан. Но бабушка говорит, не повернув головы:

— Евстигней, чего глядишь?

И какой-то Евстигней, которому лет двенадцать, никак не больше, сейчас же подбегает к бричке и выхватывает у мамы из рук чемодан... Он выхватывает чемодан, глядит на маму, на Лялю и бабушку и смеётся во весь рот, как будто это очень весело — тащить тяжёлый чемодан.

Все идут в дом.

Впереди всех — Евстигней с большим чемоданом.

Хороший дом у бабушки. Не то чтобы большой, но больше всех соседних домов. Стены у него белые, как сахар, и он весь обсажен деревьями. Посреди двора стоит будка, а в будке живёт пёс. Пёс тихонько, но сердито ворчит.

— Молчать, Туз! — на ходу говорит бабушка.

Туз замолкает, а Ляля садится на корточки, вытягивает руку и говорит:

— Тузик-пузик!..

— Известно, дитё, — вздыхает отчего-то председатель.

Мама, бабушка, Ляля и председатель заходят в

комнату. В комнате бабушкиного дома перед окном с марлевой занавеской стоит стол, накрытый вышитой скатертью. У стола сидит старушка. Вот она-то уж не старуха, а настоящая старушка! Низенькая, толстенькая, с мягкими седыми волосами и мягкими, ласковыми руками.

— Сватья, — объясняет бабушка.

Сватья поднимается, смотрит на всех голубыми прозрачными, добрыми глазками и часто-часто мигает.

На широком столе кипит самовар. По вышитой клеткой скатерти расставлены кувшины и кувшинчики, и много-много всего в кувшинах и кувшинчиках и на больших тарелках.

— Садитесь, — говорит бабушка и почему-то низко кланяется Лялиной маме. — Закусывай, Зинаида!

Мама краснеет и тоже почему-то низко кланяется бабушке. Потом она застенчиво снимает шляпку и садится к столу.

Лялю усаживают между мамой и тётёй Сватьей. Ей накладывают полную тарелку всякой еды — ватрушек, пампушек и коржиков. Ляля потихоньку ест ватрушку и слушает, о чём говорят большие. Бабушка и тётя Сватья расспрашивают маму, как они с Лялей доехали. А мама, видно, хочет угодить — подробно рассказывает, когда они встали в день отъезда, как добрались до аэродрома и сколько сто́ит билет.

Говорят про неинтересное, и Ляля начинает помахивать ногой и постукивать каблуком о ножку стула.

— Перетомилась? — вдруг говорит бабушка. — Ступай на волю, там разгуляешься.

— Ватрушечку, деточка, захвати! — вся сияя, говорит Ляле тётя Сватья.

Ляля берёт ватрушку и бежит в сад.

Посреди сада кружком растут кусты. Можно спрятаться среди этих кустов. Можно долго сидеть, притаившись между ветвями, а все в доме будут её искать и думать, что Ляля пропала.

Пряно и нежно пахнет от глянцевого жёсткого листевого. Медленно и лениво, словно разомлев от жары, ползёт по листку, растопырив жёсткие крылья, божья коровка. Вот она потихоньку раскидывает свои толстые крылышки, и становится видно, что под крыльями у неё другие крылышки — совсем прозрачные — и крошечное, как булабочная головка, чёрное тельце. Раз! — и она взлетает.

Всё вокруг жужжит, звенит и стрекочет. Тонко и звонко поёт свою песню муха над Лялиной шапочкой. Ходит петух у сарая бабушкиного дома. Он откидывает назад широкую яркорыжую шею, вздрагивает, застывает на месте и громко орёт.

Ляля трогает жёсткий ствол дерева и обнимает его короткими худенькими руками. Кора шершавая. Из её щёлок течёт смола.

— Дерево... — говорит Ляля, словно видит дерево в первый раз, и тихонько гладит ладошкой нагретую солнцем кору. — Тощее ты моё! — шепчет она дереву и, вдруг застеснявшись, оглядывается: не слышал ли кто?

Но никто ничего не слышал. Только Тузик вылез из своей будки и тихо сидит на тёплой земле.

Ляля медленно открывает калитку и выходит на улицу.

Серой широкой дорогой спускается к морю пыльная улица.

Тишина. Изредка слышны у моря пронзительные и острые в неподвижном воздухе выкрики.

— А-а!.. — кричат внизу.

— У-у!.. — отвечает кто-то сверху.

И опять тишина. Медленно вьётся шмель над Лялиной шапочкой, поёт свою летнюю песенку.

И вдруг Ляля видит, что напротив бабушкиного дома, за плетнём, сидят какие-то двое на корточках.

Увидев Лялю, те, кто сидит на корточках, выходят на улицу. Это девочки. Одна такая, как Ляля, другая побольше.

Ляля смотрит на девочек. Девочки смотрят на Лялю.

Молчат.

И вдруг одна девочка — та, что поменьше, — манит Лялю рукой и делает ей непонятный знак указательным пальцем.

— Что? — спрашивает Ляля и бежит им навстречу.

Ветер с моря, широкий и тёплый, раздувает её клетчатую яркокрасную пелеринку. Ветер закидывает вперёд красивую кисточку с остроконечной Лялиной шапочки. Ляля топчет в пыли тоненькими ногами в красненьких туфельках. Она машет руками. На бегу поднимается кверху кружевной воротник её пелеринки.

Добежав до девочек, Ляля нерешительно останавливается и, чуть-чуть скособочась, глядит на них.

— Ишь, расфрантилась! — говорит одна девочка шопотом и толкает другую.

— А шапка-то, шапка! Кисточка на носу, словно у индюка, — тоже шопотом отвечает другая.

— Что? — удивившись, говорит Ляля.

— Индюк! — говорит меньшая девочка громко и показывает пальцем на Лялину пелеринку.

— Индюк! — повторяет старшая девочка, и обе смеются.

Ляля молча стоит против девочек. Ей бы хотелось заплакать, но она не может. Опустив голову, очень медленно Ляля идёт домой — к маме и бабушке.

— Ляля, хочешь малины? — говорит мама, когда Ляля подходит к столу. — Я выдерну хвостики из ягод.

Ляля стоит возле мамы, низко опустив голову.

— Что с тобой? — говорит мама.

Ляля не отвечает.

— Нет, что случилось всё-таки? — отставив тарелку, спрашивает мама.

Ляля видит, что мама встревожена.

— Индюк!.. — говорит Ляля и тихонько всхлипывает.

— Что такое? — не понимает мама.

— Индюком обозвали... — говорит Ляля ещё тише и опускает голову совсем низко.

— Ну, полно, девочка, полно, — шопотом говорит мама и берёт Лялю за руку. — Не хочешь же ты, в самом деле, чтобы я пошла на улицу драться с ребятами за тебя.

— Конечно, может, по-городскому одета, не видавали, — виновато вздыхает председатель.

— Что?! — говорит бабушка, словно проснувшись. — Индюком обозвали? Кто? Кто сказал «индюк»? Укажи. Да что же это такое? Как так? — и вся покрывается красными пятнами.

Ляля молчит.

Тогда бабушка шумно отодвигает стул и берёт её за руку. Большими шагами она выходит во двор. За ней, подпрыгивая и всхлипывая, семенит Ляля.

Бабушка широко распахивает калитку.

— Кто сказал «индюк»? — говорит она и отпускает Лялину руку.

За плетнём тишина. Только над лопухами мелькают две белокурые головы, но сейчас же прячутся.

— Ужотко!.. — говорит бабушка и широким шагом возвращается в дом.

„ТЫ ТАСКАЛА МЕНЯ ЗА ВОЛОСЫ...“

Открыв глаза, Ляля смотрит на потолок.

На потолке большое солнечное пятно. Мелкая рябь гармошкой бежит по низкому потолку. В окошко влетает ветер. Он шевелит накрахмаленную занавеску. Гомонком, непривычным шелестом бьётся в окошко улица.

Кругом так тихо... И вдруг хрипловатым и в то же время тонким голосом заорал под окошком петух.

Ляля жмурится, но уже не может заснуть. Она открывает глаза и видит комод. Он накрыт толстой вязаной скатертью. «Что такое? Откуда здесь этот комод?» — думает Ляля и вспоминает, что это она не дома, а у бабушки.

— Мама! — зовёт Ляля.

Вместо мамы к ней наклоняется тётя Сватья. Она часто-часто мигает ясными глазками.

— А мамочка спит, — говорит Сватья. — Бабка сказывала: не будить. Бабушка у тебя хоть простая, а деликатности обученная. «Нехай, — говорит, — отдохнут с дороги. Они городские. Привыкли вставать не раньше часу восьмого, а то и девятого. Так ты, — говорит, — не буди. Ходи, Анюта, на цыпочках...» И вот я с шестого часу, детка, на цыпочках. Даже окон не растворяла... Только если ты, значит, сама по себе пробудилась, так и ладно, вставай, одевайся. Я сметанкой напою. Бабка велела. Наша сметанка — что твоё масло. Такая у нас сметанка, что у вас такой и не слыхано... Ну, вставай, вставай!

Ляля садится на кровати и, осторожно свесившись, заглядывает в приоткрытую дверь соседней комнаты.

В той комнате ставни ещё плотно закрыты. Сквозь узкую щёлку между окном и ставней тянется плоский лучик. Бабушки нет. Но в нежносерой тени белеет на одеяле мамина маленькая рука со знакомым колечком... Из тёмной комнаты пахнет тёплым и душным.

Зато как светло у Ляли в комнате с растворенным окошком! Даже пол здесь тёплый и яркий. Ляле хочется походить босиком по яркожёлтому полу. Она поглядывает на дверь, за которой спит мама. «Нет, опасно — проснётся ещё, чего доброго. Мама всегда просыпается, когда делаешь то, чего она не позволяет». И, тихо вздохнув, Ляля медленно надевает туфли.

Никто ей не помогает одеться. Она сама надевает платье, поднимает руки и старается застегнуть на за-

тылке пуговицу. Но руки у Ляли короткие — и ей никак не дотянуться до застёжки.

Ляля садится на корточки, чтобы стать покороче. Но пуговица всё равно не застёгивается.

Тяжело вздохнув, в расстёгнутом платье, Ляля выходит в сад.

Утро. В саду ни души. В яркосинем небе стоит горячее солнце. Оно поднимается всё выше, высоко-высоко... Оно палит сверху землю и траву, и в будке под солнышком дремлет пёс.

«Здесь песок. Покопаться бы!» — думает Ляля, но вспоминает, что не взяла из дому лопатку. От нечего делать она садится на траву. Платье с расстёгнутым воротом потихоньку сползает. Ляля задумывается. Она сидит, широко раскрыв рот, слегка скособочась, крепко сжав худые руки. «Чем здесь пахнет? Наверно, ветром. Здесь не так, как дома, не так, как на даче...»

Ляля тихонько встаёт, открывает калитку и смотрит, нет ли на улице девочек. Крепко держась рукой за бабушкину калитку, она останавливается на дороге.

С обеих сторон белой от пыли дороги — всё те же белые домики с печками во дворах. На белых домиках камышовые крыши. «Разве такие крыши не промокают, когда идёт дождик?» — думает Ляля.

И вдруг она замечает, что на пригорке лежат три лодки. Их зачем-то перевернули вверх дном.

Днища лодок залиты смолой. Смола густая, а днища широкие. Рядом с лодкой лежит комочек сетей.

Ляля видит, что на верёвке у противоположного дома сушится скатерть. Вдруг эта скатерть падает на траву, и видно, что скатерть вся в клеточку. Нет, это